

И. А. БАРАНОВ

АДМИНИСТРАТИВНОЕ УСТРОЙСТВО РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО ХЕРСОНА

История институтов власти в Херсоне и других городах византийской Таврики издавна привлекает внимание отечественных и западноевропейских исследователей (1, с. 253—294; 2, с. 115—129; 3, с. 221—227; 4, с. 76—135; 5, с. 47—48; 6, с. 61—97; 7, с. 207—214; 8, с. 66—175). Однако, несмотря на признанную важность проблемы, констатировался лишь факт существования в Херсоне на раннем этапе городского самоуправления, замененного в IX в. фемной администрацией. Эти положения принимались как бесспорные без какой-либо критической оценки источников. От взгляда исследователей ускользала динамика формирования системы городского управления Херсона. Оно складывалось в ходе длительной и, нередко, драматичной борьбы центробежных и центростремительных сил. Этот процесс был присущ многим городам византийских провинций, но в Херсоне имел некоторые особенности, связанные с политической ситуацией в регионе, осложнявшейся внешним воздействием со стороны Хазарского каганата и Руси. Изучение крымских реалий при недостатке литературных и полном отсутствии архивных данных возможно лишь при комплексном анализе всех имеющихся материалов — византийских и восточных хроник и географических трудов, приписок на полях хазаро-иудейских священных книг, тактиконов, сфрагистики и археологии. Между тем, традиционные представления об административном устройстве Херсона основываются исключительно на византийских письменных источниках и сфрагистике. Обычно привлекаются сообщения Феофана и Никифора о чиновниках городского самоуправления в конце VII — начале VIII вв. (9, с. 64, 164—165) о стратигах Херсона и его архонтах в трудах Константина Багрянородного и Продолжателя Феофана (10, с. 170—173; 11, с. 45), а также упоминания византийских чиновников в «Тактиконах» Успенского, Филофея

и Бенешевича (2, с. 98—167, 12, с. 104—105, 246—247). В последние десятилетия источниковедческая база была расширена за счет публикации новой рукописи «Тактикона» Н. Икономидесом (12, с. 257—277) и материалов раскопок и разведок из ближайшей округи Херсона. Последние позволили уточнить границы его Климатов в «темные века» хазарского владычества и связать в один узел вопросы образования фемы Херсона.

Административное устройство Херсона в эпоху, последовавшую за вторжением гуннов и разгромом большинства северо-причерноморских провинциальных центров Римской империи (конец IV — первая половина V вв.) нам не известно. Можно лишь предположить, что в период между уходом римских легионов и заполнения политического вакуума Византией в городе могло иметь место ослабление централизованных управленческих структур и временное усиление власти городского самоуправления. Однако уже к концу V в. Византия начала укреплять свои позиции в Таврике, проявившиеся, прежде всего, в вводе в ее крупные города — Херсон и Боспор — имперских войск и значительных объемах оборонного строительства. О возобновлении фортификационных работ в Херсоне при императоре Зеноне свидетельствует известная надпись 488 г., в которой говорится о строительстве оборонительных стен и башни, а также о расквартировании в городе отряда баллистариев под командой викария (5, с. 21—22). Викарию был подчинен практион, ведавший сбором налогов и пошлин с товаров (13, с. 96). Налоги шли на содержание войск и викариата, а также на военное зодчество. Верховная же власть в Херсоне, как видно из той же надписи, осуществлялась комитом — императорским чиновником высокого ранга, в функ-

ции которого помимо контроля над городскими финансами входило и руководство викариатом и практионом (5, с. 22). Таким образом, в руках комита была сосредоточена как гражданская, так и военная власть. По существу, в Херсоне в конце V в. наблюдается процесс зарождения системы городского управления нового типа, по характеру организации и должностным функциям чиновников приближающейся к фемной, введенной на территории империи лишь два столетия спустя. Викарию, практиону и комиту Херсона в конце V в. в должностном плане соответствуют стратиг, каркулярий и комеркиарий, являвшиеся костяком фемной администрации в VII—X вв. (14, с. 43—44). Существенным различием являлась лишь система комплектации провинциальных войск за счет наемников, присылаемых в Херсон и Боспор из метрополии (15, с. 26—27). Процесс организации фемных институтов власти в Херсоне при императоре Зеноне оказался незавершенным в виду усиления значения роли крымских городов в имперской политике и связанным с этим усилением роли военной администрации. По мнению М. М. Ростовцева комит Диоген в конечном итоге был назначен командиром балластариев в Херсоне (16, с. 10), а после выполнения херсонской миссии — комитом схол (то есть начальником императорской гвардии) и затем — командующим императорской армией, участвовавшей в подавлении мятежа исаврийцев в Малой Азии (17, с. 82—83).

Значение Херсона как форпоста империи в Северном Причерноморье и военной базы при подчинении Боспора и Тамани усилилось при Юстине (518—527) и Юстиниане I (527—565). Во главе администрации в этот период, вероятно, продолжал находиться назначенный императором комит, юрисдикция которого распространялась на командование войсками и оборонным строительством на Боспоре, включенном в состав Византии при Юстине I (18, IV(VIII), 27; 19, с. 5). В боспорской надписи 522 г., посвященной строительству башни, в порядке очередности, соответствующей положению в иерархической лестнице, упомянуты царь Диптун из боспорского правящего рода Тибериев Юлиев, восстановленного империей, эпарх Истудия, являвшийся императорским наместником по гражданским делам и комит Опаций, ведавший военными делами (15, с. 24; 9, с. 133).

С возрастанием роли Херсона при Юстине II (565—578) повышается и ранг чиновников имперской администрации. Вместо комита в Херсон назначается дука, возглавлявший, судя по эпиграфическим данным, городское строительство (13, с. 11). Как правило, под начальством дуки в конце VI в. находились крупные военные силы, сконцентрированные в провинции и служившие для охраны лимеса, то есть дука Херсона был командующим над всеми во-

енными отрядами и гарнизонами византийских городов Таврики, включая и Боспор. Традиция управления войсками Боспора херсонским военачальником сохранилась и при Маврикии (582—602), о чем свидетельствует боспорская надпись 590 г. с именем стратилата Евпатерия дуки Херсона, восстановившего дворец боспорских царей (20, с. 107).

С понижением стратегического значения Херсона во второй половине VII в., связанного с общим для Византии ухудшением позиций в регионе и утратой захваченных хазарами Боспора и приазовских городов, снижается и ранг чиновников византийской администрации, назначаемой из Константинополя. Об этом свидетельствует печать Косьмы, ипата и комита Херсона, датированная второй половиной VII—VIII вв. (8, с. 145, № 2). Датировку этой печати можно ограничить второй половиной VII в., так как не позже начала VIII в. в Херсоне начали действовать структуры городского самоуправления при минимальном вмешательстве центральной власти.

Самое раннее известие о чиновниках городского самоуправления Херсона содержится в «Хронографии» Феофана, упоминающей протополита Зоила — «первого гражданина» города и 67 протевонов «из числа знатных мужей» (9, с. 65). Попытка А. Ф. Вишняковой расширить число чиновников муниципалитета Херсона VIII в. за счет кира Исаака, якобы читаемого на моливдуле (21, с. 122—123, № 1), нам представляется малоубедительной ввиду плохой сохранности печати и характера сокращений легенды, позволяющего многовариантность ее дешифровки. Произвольно и ее предположение о тождестве должности кира и эпарха города (21, с. 123), так как последний являлся верховным представителем императорской власти и возглавлял гражданские службы города, что исключало должность протополита как главы выборной администрации муниципалитета. Протополит Херсона возглавлял городское управление, состоящее из 67 протевонов. Л. Брейе рассматривает институт протевонов в Херсоне как продолжение традиций муниципального управления античного города (21, с. 209). Однако эволюция форм городского самоуправления не могла не отразиться на значении чина: его смысл изменялся от синонима сенатору в V в. после восстановления власти империи до обозначения всех наиболее влиятельных лиц в городе VII—VIII вв. (23, с. 204). Протевоны Херсона начиная с VIII в., сочетали в себе муниципальных служащих и первенствующих в городе собственников, которые управляли им по поручению и под контролем представителя имперской администрации (24, с. 76). Можно предположить усиление значения протевонов в системе городского управления к середине X в. В пользу этого говорит право протевонов Херсона

скреплять официальные документы и переписку собственной печатью. Этим временем датируется печать Михаила, императорского спафария и протевона Херсона (8, с. 159, № 43). Примечательно, что протевон Михаил получил дворцовый чин, свидетельствующий о том, что он стал императорским чиновником довольно высокого ранга. Последнее может свидетельствовать об усилении позиций авторитарной власти, провозглашенной и городские структуры самоуправления. Однако до сращивания выборной и назначаемой сверху чиновной верхушки контроль за представителями выборной власти осуществлял архонт, в ведении которого находились вопросы обороны.

Нет основания думать, что на первом этапе введения института архонтов в Херсоне в VIII в. они вмешивались в дела муниципалитета. Вероятнее всего сохранялось установившееся в VI—VII вв. разделение функций военной и гражданской власти. Никифор упоминает архонта Тондона (9, с. 164—165), являвшегося, по нашему мнению, тюрком (болгариним или хазариним) на византийской военной службе (25, с. 9—10; 26, с. 148—149). Архонты как представители имперской администрации прослеживаются в Херсоне в материалах VIII—IX вв. Так, концом VIII — первой половиной IX вв. датируется моливдовул архонта Григоры из коллекции Н. П. Лихачева (8, с. 71, 147, № 5). Второй половиной VIII в. Г. Закос датирует печать Евстафия, императорского спафария и архонта Херсона (8, с. 147—148, № 7). Автор «Тактикона Успенского» помещает архонта Херсона в 842—843 гг. среди чиновников третьего класса (2, с. 129; 12, с. 56—57). После середины IX в. роль архонтов Херсона в имперской иерархии возрастает, о чем свидетельствует печать архонта Льва, имевшего уже придворный чин спафарокандидата, то есть чиновника второго класса (8, с. 148, № 10). Фактически архонты Херсона во второй половине IX в. приравнивались в должностном отношении к стратигам, командовавшим небольшими отрядами в составе фемного войска или отдельными войсковыми подразделениями, выполнявшими специальные задания императора. По мнению Э. Арвэйлер подобная практика существовала в Византии в IX—X вв. (14, с. 41—42). Именно такую должность занимал спафарокандидат Петрона при строительстве Саркела (10, гл. 42). Его дворцовый чин был равен чину архонта города.

Для обозначения административной единицы, к которой относился Херсон в VIII в., Никифор употребляет термин архонтия — ΑΡΧΟΝΤΙΑΙ (9, с. 164, 181). Заметим, что в «Тактиконе Успенского» для обозначения территории империи, управляемых архонтами в 842—843 гг. (в списке в порядке очередности упомянуты архонты Диррахия, Далмации, Херсона и Кипра), употреблен тот же термин (12, с. 59).

Сведений же об имперских чиновниках более высокого ранга в «Тактиконе Успенского» не имеется. Подчеркнем, что в табели о рангах этого «Тактикона» архонт Херсона занимает одно из последних мест среди чиновников третьего класса после архонта Далмации, носившего придворный чин спафария (12, с. 57, 59). Ф. Дворник, И. Ферлуга и другие доказали, что находящаяся в списке «Тактикона Успенского» перед Херсоном Далмация на протяжении всего IX в. имела статус архонтия (27, с. 11, 28, с. 218; 29, 6, с. 88—93; 30, с. 46—52). Это дает нам основание с большой степенью вероятности предполагать тот же статус и у Херсона, то есть в IX в. там продолжал действовать введенный в VIII в. институт архонтата. Последнее подтверждается находкой в порту Сугдеи в 1990 г. моливдовула архонта Херсона, датируемого В. С. Шандоровской второй половиной IX—X вв.

В свете изложенного встает вопрос обособленности предположения о создании фемы Херсона императором Феофилом в 30-е гг. IX в. Эта гипотеза в результате постоянных повторений стала априорной. Однако она основывается на единственном первоисточнике — трактате Константина Багрянородного «Об управлении государством», — сведения которого вошли в хронограф Продолжателя Феофана. В трактате сообщается о назначении спафарокандидата Петроны Каматира стратигом в Херсон после завершения строительства крепости Саркел на Дону (10, гл. 42). При этом Петрона был повышен в чине до протоспафария — чиновника второго класса. Главной задачей Петроны в Херсоне было ограничение власти протевонов и подчинение муниципалитета центральной власти. Ф. И. Успенский и И. Знойко считали невозможным использовать сведения Константина Багрянородного для восстановления событий первой половины IX в. и высказали предположение, что миссия Петроны в Таврике и на Дону относится не к эпохе Феофила, а к концу IX — началу X вв. (1, с. 255—264; 31, с. 262—263). Той же оценки сведений Константина Багрянородного о событиях первой половины IX в. придерживается современный греческий историк П. Яннопулос (32, с. 137); солидарны с ними и мы. В пользу мнения, что Константином Багрянородным была допущена хронологическая путаница и деятельность Петроны Каматира перенесена ошибочно в более раннее время, свидетельствует византийская хроника Иоанна Камениаты начала X в. Камениата как современник событий пишет об участии протоспафария стратига Петроны в укреплении фортификационных сооружений и организации обороны Фессалоники от арабов в 904 г. (33, гл. 17—18). Примечательно, что оба Петроны имели одну и ту же должность, дворцовый чин и являлись фортификаторами, выполнявшие разовые, важнейшие в стратегическом

отношении поручения императора. С этими данными полностью совпадает время появления первого синхронного источника стратига Херсона в византийской табели о рангах — «Тактиконе Филофея» 899 г. (12, с. 105, § 24). Примечательно, что в этом списке стратиг Херсона поставлен следующим после стратига Далмации, то есть в той же очередности, что и архонты этих городов в «Тактиконе Успенского». Известно, что в Далмации должность стратига была введена лишь в последней четверти IX в. (6, с. 61—68). Нет оснований сомневаться, что и в Херсоне это событие произошло раньше. Если признать концепцию Ф. И. Успенского, то вопрос об учреждении фемы Херсона при Феофиле необходимо вообще снять, как не имеющий источниковедческой основы. Однако, избегая упреков в историческом нигилизме, рассмотрим правомочность концепции наших оппонентов.

В соответствии с господствующей точкой зрения Саркел был построен Петроной не в последние годы IX — начале X вв., а в 833—834 гг., и должность стратига в Херсоне была учреждена около 834 г. Эта гипотеза была обоснована А. А. Васильевым (34, с. 137—138) и полностью воспринята В. Г. Васильевским, Г. А. Острогорским, А. Л. Якобсоном и современными исследователями (35, с. 273—289; 36, с. 40—44; 5, с. 48). Однако отметим, что она не может принципиально изменить суть наших взглядов на хронологические рамки архонтата Херсона. Учреждение должности стратига и введение прямого имперского правления в Херсоне при Феофиле в чисто теоретическом плане было вполне возможно. Оно не могло быть долгосрочным, так как уже в «Тактиконе Успенского» в 842—843 гг. отсутствует стратиг, а указан архонт города, выполнявший те же задачи, что и стратиг, но ограниченный в делах гражданского управления возрожденным институтом протевонов, то есть не позднее 843 г. Херсону был возвращен ранг архонтии. Следовательно, управление Херсона стратигом при Феофиле могло иметь место между 833—842 гг., то есть ограничивалось последними годами правления иконоборческого императора Феофила и воцарением иконопочитателя Михаила III (842). Судя по тому, что посланный Феофилом около 833 г. флот во главе с катепаном Пафлагонии (транзитом он перевез отряд Петроны Каматира, направленный императором на строительство Саркела), не смог навести необходимый порядок в Херсоне и потребовалась вторая экспедиция Петроны с более жесткими установками и учреждением чрезвычайной должности стратига, ликвидировавшего городские привилегии (10, гл. 42), политика «завинчивания гаек» не встретила в Таврике энтузиазма. Усиление командно-административных методов управления центральной власти могло произойти лишь на фоне антиимператорских выступлений иконопочита-

телей в Византии, в которых Таврика являлась оплотом и одним из центров оппозиции. Единственным городом полуострова, проявлявшим лояльность иконоборческим императорам, был Херсон (37, с. 154). В течение всего иконоборческого периода он являлся местом ссылки противников иконоборцев. Именно сюда был сослан один из видных деятелей иконопочитательской оппозиции идейный противник Феофила Иосиф Песнопевец (13, с. 44). Правительство Константинополя нуждалось в лояльности Херсона как форпоста империи во фрондирующей Таврике, антиимперские настроения которой поддерживались хазарским оружием. Можно предположить, что в этот период Феофилом и могла быть предпринята попытка надеть узду на городское самоуправление Херсона, население которого экономически больше тяготело к своим соседям, чем к далекой метрополии. Попытки противоставить Херсон Готским климатам, и тем самым сделать политические процессы более управляемыми, потеряли смысл после восстановления иконопочитания в столице в 842 г. Следствием этого и могло быть возвращение Херсону городских привилегий и статуса архонтата.

Как сказано выше, управление Херсона стратигом при Феофиле могло носить лишь кратковременный и чрезвычайный характер. Ни Константин Багрянородный, ни какой-либо другой византийский или восточный автор не сообщают об учреждении фемы Херсона в IX в. Нет этих данных и в титулатуре стратигов Херсона на моливдовулах IX—X вв. (7, с. 213—214), да, собственно, и сами вислые печати имеют слишком широкую датировку, чтобы привлекать их в подкрепление исторических выводов, имеющих узкие хронологические рамки. Тем не менее, И. В. Соколова с недоумением констатирует отсутствие печати фемной администрации не только для IX в., но и следующего столетия: в Херсоне не известны печати чиновников фиска — протонатариев — распространенных в фемах империи (7, с. 208). Следовательно, все рассуждения об организации фемы Херсона Петроной, даже если его миссия приходилась на эпоху Феофила, основаны исключительно на априорности понятий: стратиг — командующий фемой. В этой связи важнейшее значение приобретает понятие смысла должности стратига в его динамике на протяжении VII—X вв.

В эпоху появления первых фем в Византийской империи при императоре Ираклии стратиг являлся одним из самых высоких должностных лиц провинциальной администрации. Его военные и гражданские функции в провинции, которой он управлял, нам известны из военных «Тактик» (главная из них «Тактика Льва VI»), постановлений и других законодательных актов, регламентирующих обязанности правите-

лей провинций. Стратиг являлся верховным главой провинциальной администрации и подчинялся во всем, что касалось управления этой областью только императору (14, с. 37). Обычно он носил высокий сан патрикия, иногда ассоциируемый с чином анфипата (14, с. 37), то есть являлся чиновником первого класса. С IX в. стратигами начинают назначать и чиновников второго класса (14, с. 37, 41). Однако они подчинялись стратигам более высокого ранга, являвшихся правителями провинций и командующими фемными войсками (14, с. 41). Примером могут служить события 904 г. в Фессалониках, когда протоспафарий стратиг Лев вошел в подчинение «стратигу по званию» полководцу Никите (33, с. 171). До того Льву, выполнявшему узкую задачу в обороне Фессалоник, был подчинен протоспафарий Петрона, обеспечивавший строительство фортификационных сооружений (33, с. 170). Напомним, что и в Таврике Петрона носил чин протоспафария, то есть по своему положению и дворцовому чину стратиг Херсона в середине IX в. не мог быть стратигом фемы. Да и возможна ли была в принципе организация фемы Херсона в это время?

Как известно, термин «фема» в IX в. начинает обозначать провинциальную армию, отличную от армии столичной (14, с. 3). Она формировалась по территориальному признаку из местных жителей, владеющих недвижимостью и землей. Численный состав фемного войска в крупных фемах достигал 9—10 тысяч человек, но никогда не опускался в более мелких фемах ниже 2,5—3,0 тысяч стратиотов (14, с. 5—6). В противном случае такое войско было бы малоэффективным. Могли ли Херсон и его округа обеспечить формирование даже минимальной фемной армии в IX — начале X столетия?

Этот период истории Таврики характеризуется активностью Хазарского каганата на полуострове и сокращением византийских владений как в юго-западной части полуострова, так и в вассальной Готии. В течение IX в. хазары возводят в Готских Климатах крепости, служившие им военными лагерями на период ведения войн с Византией. В это время сооружается мощная оборонительная стена на плато Чуфут-Кале (крепость Кырк-Ор), возводятся оборонительные сооружения Сюйренской крепости и Кыз-Куле, строятся укрепления на Баксане, «Чайке», близ Аблемитской переправы на Донузлаве (26, с. 66). В 822 г. хазары возводят свой крупнейший форпост в разгромленной и включенной в состав каганата Готии крепость Мангуп и заселяют ее выходцами из Таматархи (26, с. 58—59). Название Дорос с этого времени полностью исчезает из источников — вероятно, хазары уничтожили эту главную крепость Готии и включили ее владения в состав крымского

домена каганата. Именно в это время, как следует из разнообразных источников, полуостров начинает называться Хазарией (26, с. 152). Более того, Херсон и Готия утратили даже религиозную самостоятельность. В списке христианских епархий, составленном между 806—815 гг., отсутствуют не только Готская метрополия, учрежденная после антихазарского восстания Иоанна Готского в 787 г., но и входившие в ее состав епископии в Сугдее, Фуллах и Таматархе (38, с. 325). В это время архиепископии сохранились лишь в городах с преобладающим христианским населением — Боспоре и Херсоне, да и те, наряду с Зихией, Фанагорией и Никописом вошли в состав епархии Зихия (26, с. 152). В IX — начале X вв. Херсон номинально входил в состав Византии, но его положение было незавидным. В конце 60-х — начале 70-х гг. IX в. Анастасий Библиотекарь писал, что жители Херсона «казалось были скорее жителями тюрьмы, чем города, из которого не смели выходить» (39, с. 6—10). Эта картина подкрепляется и археологическими данными. Со второй половины VIII в. салтово-маяцкие поселения появляются в ближайшей округе Херсона — на Гераклейском полуострове, в Килеи-Балке, Инкермане и на Северной стороне (26, рис. 1). Раскопки поселения под Загайтанской скалой в Инкермане показали, что салтовские жилища были построены на руинах сожженных хазаро-болгарами византийских домов VI—VIII вв. (40, с. 63—71; 26, с. 46). Та же картина наблюдалась на поселении у села Поворотное и других салтовских памятниках района. Фактически во второй половине VIII — первой половине X вв. Херсон был плотно окружен тюркскими айлами. Все это согласуется с сообщением Анастасия Библиотекаря, что «город пограничен с хазарской землей» (39, с. 6—7). Археологические материалы, рассмотренные в комплексе с письменными источниками, дают основание утверждать, что в период хазарского владычества на полуострове Херсон не имел сколько-нибудь значительной сельской округи, подчиненной городу, которая могла бы поставлять стратиотов в фемное войско. При численности населения Херсона, не превышавшей даже в период расцвета 12 тысяч человек, говорить о формировании фемной армии на его основе несерьезно. Подводя итог вышесказанному, можно констатировать, что при императоре Феофиле, как и в течение всего IX в., фема в Таврике не могла быть создана по вполне объективным причинам.

В этой связи совершенно неудовлетворительно выглядит локализация в Таврике фемы Климатов, стратиг которой в чине патрикия упоминает в «Тактиконе Успенского» на последнем восемнадцатом месте в списке фем империи (12, с. 48—49, § 19). Крымская локализация фемы Климатов основана на упоминании этого термина Константином Багрянородным (10, гл. 42).

В подкрепление ее И. В. Соколова приводит единственную плохо сохранившуюся печать с сильно поврежденной двухстрочной легендой ΤΩΠΚΛ ...ΧΕΡΣ, которую она переводит как «помоги твоему рабу ...Климатов Херсона» (8, с. 149—150, № 14). Ее чтение вызывает сомнение по двум причинам. Первая, и главная, заключается в том, что при таком чтении легенды нарушается характерная для этого типа византийских печатей схема, по которой между именем владельца и названием города располагались титул и должность. Во-вторых, признав такое чтение легенды печати, необходимо будет признать и ее уникальность. Однако сохранившиеся первые две буквы предполагаемого слова Климаты, имеющего в предлагаемом контексте чисто географическое значение, дают многовариантность дешифровки. При этом чтение И. В. Соколовой, по нашему мнению, наименее вероятно. Другие варианты чтения легенды печати, связанные с византийской титулатурой, более увязываются со схемой легенд моливдовулов. Примером варианта дешифровки может служить чин клисуарха, упомянутый в «Тактиконе Успенского» (12, с. 54—55, § 5, 6), или любой другой чин провинциальной византийской администрации, выбор которых в имеющейся транскрипции достаточно широк (14, с. 105).

За исключением моливдовула, источника, как видим, крайне ненадежного, все остальные данные, использованные для локализации фемы Климатов в Таврике, носят косвенный характер, так как ни в одном источнике нет прямых указаний на географическое положение фемы. Вопрос о том, какой смысл вложен составителем «Тактикона Успенского» в термин Климаты, лежит в основе локализации фемы. В этом источнике Климаты находятся в списке фем империи, каждая из которых названа именем собственным, будь то название города или целой провинции. В контексте источника Климаты также являются именем собственным, совершенно понятным для современников и не требующим дополнительного объяснения в тексте. Между тем, у Константина Багрянородного, Льва Диакона, в «Житие Евгения Трапезундского» и других византийских источниках климаты имели значение близкое географическому термину в традиционной греческой и арабской системе землеописания. Этот термин не употреблялся самостоятельно, а уточнял конкретные географические понятия, расширяя их рамки: Фракийские (Гальские) климаты, Херсонские климаты, Боспорские климаты, крепости климаты между Боспором и Херсоном и пр. (41, с. 157; 10, гл. 37, 42; 42, с. 39, 117; 43, с. 9). Такое толкование термина подкрепляется и сфрагстикой. Единственно достоверные печати с упоминанием климатов, опубликованные Н. Икономядесом, в легенде содержат прямое указание на привязку к географическому району

А.../TONPENTE/ΚΛΙΜΑΤ, то есть печать принадлежала какому-то византийскому чиновнику пятого климата (44, с. 182, 253). По средневековой арабо-византийской географической номенклатуре пятый климат граничил с Византией на востоке, включая в себя Закавказье и Иран (45, с. 39, 130). Именно для этого региона византийцы называли местных восточных владык климатархами (46, с. 82, 104, 162).

В географическом значении термин климаты пишется со строчной буквы, что исключает его употребление в источниках в качестве названия. Однако Климаты в «Тактиконе Успенского» являлись именем собственным и несли смысловую нагрузку, обозначая какой-то конкретный пункт на территории Византии. В то же время, в Византии не известно области или района с таким названием, что подразумевает существование более мелкой административной единицы. В. Г. Васильевский, В. Бешевлиев, М. Нистазопуло и И. Божилев, анализируя текст «Анонима Газе», доказали существование в Северном Причерноморье византийского города с названием ΤΑ ΚΛΙΜΑΤΑ (47, с. 201; 48, с. 39, 124; 49, с. 234). Тот же город упоминает и Прокопий (41, с. 146). М. Нистазопуло, рассматривая события в византийском приграничье, описанные в «Анониме Газе», решительно отвергла идентификацию Климатов с Таврикой (49, с. 324), а М. И. Артамонов и И. Божилев локализовали последние на Дунае (50; 41, с. 158). С их точкой зрения полностью солидарны и мы.

Возвращаясь к административному устройству Херсона напомним, что экстраординарное управление городом, осуществлявшееся стратигом как имперским чиновником по особым поручениям, не могло быть продолжительным. Уже в 842—843 гг. в Херсоне восстанавливается архонтат, институт которого функционировал до конца IX в. С возрастанием значения Таврики в имперской стратегии, заключавшейся в стремлении восстановить утраченные в регионе позиции, в Херсоне вводится постоянная должность стратига. Стратиг Херсона впервые упомянут как имперское должностное лицо в «Тактиконе Филофея» 899 г., где он стоит в списке на последнем месте после стратига Далмации (12, с. 104, 105, § 2). Судя по находкам моливдовулов стратигов Херсона, наиболее ранние из которых датируются 70—80 гг. IX в., они имели дворцовый чин второго и третьего классов (8, с. 150, 169, № 15, 15а, 16, с. 170, 171, № 19, 20, 27, 30—34, 44), то есть в табели о рангах занимали не очень высокое место. По Г. Острогорскому и И. Ферлуге управление Далмации стратигом было установлено после 870 г. (51, с. 100; 52, с. 55). Судя по месту в списке, и стратиг Херсона назначается двором не раньше этого времени, что подтверждается и сфрагстикой. Однако предположение Г. Острогор-

ского и И. Ферлуги, что Долмация, а значит и Херсон были введены в ранг самостоятельной фемы, нас не может удовлетворить, так как еще в первой половине X в., по ал-Масуди, северные берега Хазарского моря и Меотиды (включая и Таврику) входили в состав одной из двух малоазийских фем — Букеллариев или Армениаки, — являясь их пограничьем (53, с. 37, 38). Из того же источника следует, что большая часть этой территории была захвачена болгарами, которых ал-Масуди называет «Валендри, от имени города на окраине греческих границ со стороны востока, называемого Валендр...» (53, с. 38, 39). Именно под стенами этой крепости, локализуемой в районе Тамани или на Боспоре, в 933—934 гг. объединенные войска четырех тюрко-болгарских племен разгромили византийскую армию Романа I и вторглись в Таврику (26, с. 152). По сообщению Кембриджского Анонима, вслед за разгромом греков хазары в 935 г. под предводительством полководца Пейсаха предприняли поход на Шоршун (Херсон) «и начал с ним войну... и они (греки) ушли из страны...» (54, с. 313). Итогом этого похода было полное включение Таврики в состав Хазарского каганата, и еще около 960 г. большинство ее земель являлись доменом хазарского кагана Иосифа (26, с. 54—68). В этой связи становится ясно, что стратиги Херсона в конце IX — начале X вв. имели тот же статус, что и стратиги для особых поручений. Этому соответствовал и их дворцовый чин императорских спафариев, спафарокандидатов и протоспафариев. Следовательно, в Херсоне в конце IX — первой половине X вв., как и в более раннее время, существовало разделение института власти на гражданский и военный. Гражданское управление осуществляли протевоны, действовавшие, по Константину Багрянородному, на протяжении всей первой половины X в. (10, гл. 42). При этом, как видно из печати Михаила, императорского спафария и протевона Херсона (8, с. 159, 160, № 43), их значение даже возросло: протевоны получили право скреплять документы и переписку личными печатями и заняли определенное положение в имперской иерархии, равняясь по рангу военным администраторам города.

Первое известие о Херсоне как центре одноименной фемы мы находим в трактате Константина Багрянородного «О фемах Запада»: «...двенадцатая фема — Херсонская. Херсон раньше не именовался фемой, равно как и не имел значения столицы области, но обладатели Боспора владели и самим Херсоном и остальными климатами» (11, с. 45). Как мы уже писали, в первой половине X в. Боспор и вся Таврика до стен Херсона входили в состав Хазарского каганата. Следуя тексту Константина Багрянородного, можно считать, что Херсон восстановил положение главного города Таврики и стал столицей имперской провинции и

фемы только после ухода хазар. Судя по свинцовым и бронзовым монетам Херсона в слоях пожаров, уничтоживших хазаро-болгарские жилища в порту Сугдеи, восстановление позиций Византии в Крыму началось именно в эпоху правления Константина Багрянородного (26, с. 21, 22). Херсон, следовательно, мог вновь вернуть свои позиции в Готских и Боспорских климатах и стать столицей фемы лишь в эпоху Константина Багрянородного. Его значение как столицы фемы резко возросло во второй половине X в. Если в «Тактиконе Бенешевича», составленного между 934—944 гг. стратиг Херсона находился на предпоследнем месте и тридцатым в списке стратигов фем (12, с. 246, 247, § 30), то в «Тактиконе Икономидиса» 971—975 гг. он занимает уже девятое место в списке стратигов 34 фем (12, с. 266, 267, § 15). Скорее всего, в это время Таврика получает административную самостоятельность, а стратиги Херсона и вновь созданных фем Боспора и Понта Эвксинского (военно-морская фема с центром в Сугдее) (12, с. 268, 269, § 15; 26, с. 154) командовали фемными войсками и флотом в Северном Причерноморье, подчиняясь непосредственно императору. Однако к концу X в., по мнению Э. Арвейлер, фемный строй изживает себя (14, с. 67—78). В это время стратиги фем командуют лишь наемниками, зачастую сами являясь крещеными варварами, как это видно в истории с Георгием Цулой — тюрко-болгаринном по происхождению, стратигом и императорским протоспафарием Херсона, а затем Боспора по должности. С ослаблением института военно-административного управления гражданско-административные функции с контролем над городской обороной переходят к муниципальному самоуправлению, которое с XI в. играет в Херсоне ведущую роль.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Успенский Ф. И. Византийские владения на северном берегу Черного моря в IX и X вв. // Киевская старина, 1889. № 5—6.
2. Успенский Ф. И. Византийская табель о рангах // ИРАИК. София, 1898. Т. III.
3. Васильев А. А. Готы в Крыму. Время византийского, хазарского и русского влияния (с VI до начала XI в.) // ИГАИМК. 1927. Вып. 5.
4. Vasiliev A. A. The Goths in the Crimea // The mediaeval academy of America publication, no. 29, Cambridge, 1936.
5. Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес. М.—Л., 1959.
6. Ферлуга I. Ниже војно-административне јединице тематског уређења // Зборник радова С. А. Н., XXXVI — Византолошки институт С. А. Н., кн. 2, Београд, 1953.
7. Соловья И. В. Администрация Хер-

- сона в IX—XI вв. по данным сфрагистики // АДСВ. Вып. 10. Свердловск, 1973.
8. Соколова И. В. Монеты и печати византийского Херсона. Л., 1983.
 9. Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. М., 1980.
 10. Константин Багрянородный. Об управлении государством. М., 1989.
 11. Константин Багрянородный. О фемах Запада, то есть Европы // ИГАИМК. 1934. Вып. 91.
 12. Oikonomides N. Les listes de pre-seance Byzantines des IX et X siecles. Paris, 1972
 13. Шестаков С. П. Очерки по истории Херсонеса в VI—X веках // Памятники христианского Херсонеса. М., 1980. Вып. III.
 14. Glykatzis—Ahrweiler H. Recherches sur l'administration de l'Empire Byzantin au IX—XI siecles. Athenes-Paris, 1960.
 15. Кулаковскый Ю. А. Керченская христианская катакомба 491 года // МАР, Древности Южной России. СПб., 1891.
 16. Ростовцев М. М. Новые латинские надписи из Херсонеса // ИАК. 1907. Вып. 23.
 17. Шангин М. А. Некоторые надписи Херсонского музея // ВДИ. 1938. № 3(4).
 18. Прокопий из Кесарии. Война с готами. М., 1950.
 19. Кулаковскый Ю. А. К истории Боспора Киммерийского в конце VI в. // ВВ. 1896. Т. III.
 20. Латышев В. В. Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России. СПб., 1896.
 21. Вишнякова А. Ф. Свинцовые печати византийского Херсона // ВДИ. 1939. № 1.
 22. Brehier L. Les Institutions de l'empire Byzantin. Paris, 1949.
 23. Курбатов Г. Л. Основные проблемы внутреннего развития византийского города в IV—VII вв. Л., 1971.
 24. Сюзюмов М. Я. О социальной сущности законодательства «Василик» // ВВ. 1953. Вып. VI.
 25. Баранов И. А. Хазары и Херсонес в VIII в. // Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса. Севастополь, 1988.
 26. Баранов И. А. Таврика в эпоху раннего средневековья (салтово-маяцкая культура). К., 1990.
 27. Dvornik F. Les legebdes de Constantin et de Methode, vues de Byzance. Prague, 1933.
 28. Posedel J. Pitanje dalmatinskog temata u prvoj polovini IX stoljeca // Historiski Zbornik, 1—4, Zagreb, 1950, 3.
 29. Ferluga J. L'administrazione bizantina in Dalmazia. Venezia, 1978.
 30. Ферлуга Я. Архонтат Далмации // ВВ. 1957. Вып. XII.
 31. Знойко И. О посольстве Калокира в Киев // ЖМНП. 1907. № 4.
 32. Vannopoulos P. A. La société profane dans l'Empire Byzantin des VII, VIII et IX siècles. Louvain, 1975.
 33. Две византийские хроники X века. Псамфийская хроника. Иоанн Камениата. Взятие Фессалоники. М., 1959.
 34. Васильев А. А. Византия и арабы. Политические отношения Византии и арабов за время Аморийской династии. СПб., 1900.
 35. Васильевский В. Г. О построении крепости Саркел // ЖМНП. — 1889, № 10.
 36. Строгорский Г. А. Тактикон Успенского и Тактикон Бенешевича // ЗР. САН, XXXV — VI. Београд, 1953. Кн. 2.
 37. Баранов И. А. О восстании Иоанна Готского // Феодалная Таврика. Киев, 1974.
 38. Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962.
 39. Ягич И. В. Новое свидетельство о деятельности Константина Философа // ЗАН. 1893. Т. 1.
 40. Веймарн Е. В. Археологічні роботи в районі Інкермана // АП УРСР. 1963. Вып. III.
 41. Божиллов И. Анонимът на Хазе. България и Византия на долини Дунав в края на X век. София, 1979.
 42. Пападопулус - Керамевс А. Сборник греческих неизданных богословских текстов IV—XV вв. СПб., 1909.
 43. Ahrweiler H. Byzance et la Mer. Paris, 1966.
 44. Nesbitt J., Oikonomides N. Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the fogg museum of Art. Washinton, 1991. Vol. 1.
 45. Калинина Т. М. Сведения ранних ученых Арабского халифата. Древнейшие источники по истории народов СССР. М., 1988.
 46. Феофилакт Симокатта. История. Перевод С. П. Кондратьева. Примечания К. А. Осиповой. М., 1957.
 47. Васильевский В. Г. Записка греческого топарха // Труды, СПб., 1912. Том II.
 48. Besevliev V. Die protobulgarisch Inschriften // Berliner Byzantinisch Arbeiten, 1963, v. 23.
 49. Nystazopoulou M. Note sur l'Anonyme de Hase improprement appele Torpque Gothie // BCH. LXXXVI, 1962.
 50. Артамонов М. И. Етническата принадлежност и историческото значение на пастирската култура // Археология. София, 1969. — № 3.
 51. Ostrogorsky G. Geschichte des Byzantinischen Staates. Munchen, 1952
 52. Ферлуга I. Време постанка теме Далмацхе // Зборник философског факултета. Београд, 1955. Т. III.
 53. Васильев А. А. Византия и арабы. Политические отношения Византии и арабов за время македонской династии. СПб., 1902.
 54. Мосин V. Les Khazares et les Byzantins. D'Apres L'anonyme Cambridge // Byzantion, 1931, vol. 6.

THE ADMINISTRATIVE STRUCTURE OF CHERSON IN THE EARLY MIDDLE AGES

Summary

In this article the dynamics of changes in administrative status of Byzantine Cherson in the 5th — 10th centuries is examined on the basis of written sources, sphragistics and archaeological data. In accordance with the political and economic changes in Taurica Cherson during the Early Middle Ages went its way from strengthening the institutions of central power in the epoch of Justinian I to town self-governing in the 8th

century and strengthening the military-administrative management in the end of the 9th — 10th centuries. The author denies the Crimean localization of Klimata thema and the formation of Cherson thema under Theophilos and gives basis for the period of forming thema under Constantine Porphyrogenetos in ca. the mid-10th century.

В. А. СИДОРЕНКО

ПАМЯТНИКИ КАМЕННОЙ ПЛАСТИКИ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ТАВРИКИ

К вопросу о стиле и его идейно-символическом компоненте

Рельеф как способ передачи рисунка и объема относится к тем художественным средствам, которые порой в равной степени сопоставимы с архитектурным орнаментом и скульптурой, пластикой и другими видами изобразительного искусства. Повышенная выразительность средневековой каменной пластики достигалась стилизованной трактовкой или схематизмом форм, тенденцией к плоскостности рельефа, что обеспечивало его органическое соединение с орнаментом и композицией, но также и ритмикой. Последняя создавалась как повторяющимися элементами орнамента, так и фактурным декорированием рельефа — складки одежды и прическа антропоморфных фигур, оперение или шерстяной покров представителей фауны. Ритмической организацией композиции служила и осевая симметрия, сознательное нарушение которой в симметрично располагавшихся деталях являлось, безусловно, традицией Востока, где наиболее полно нашло свое выражение в архитектурном орнаменте.

Малочисленность памятников этого круга не позволяет до настоящего времени выявить все особенности и направления развития подобного жанра. Многие из памятников не сразу находят свое место в хронологическом ряду, претерпевают многократные уточнения своей стилистической атрибуции.

Наряду с эстетической ценностью вклада, который внесла каменная пластика в развитие мировой художественной культуры, существует

и иной, идейно-символический аспект, которому при исследовании памятников уделяется недостаточное внимание. Изучение с точки зрения символики того или иного оригинального произведения пластики прокладывает прямой путь к его исторической интерпретации и датировке. Это не умаляет значения искусствоведческого анализа. Сопоставляя два равно необходимых направления исследования, мы не в праве отдать предпочтение, тем более, право безусловного приоритета какому-то из них. В подтверждение и прежде, чем обратиться к публикуемым двум памятникам из Крыма, остановимся на давно известном по изданиям — плите луврского собрания, происходящей из Пелопоннеса (1, № 13; 2, табл. XC; 3, с. 188, рис. 286 — фрагмент).

Известняковая плита имеет форму плоской стелы с округлым завершением (рис. 1). На ее лицевой стороне изображены птицы и животные, выполненные высоким рельефом. Верхнюю часть поля занимает сценка терзания хищной птицей льва. В нижней части расположена группа из трех фигур; подобная первой птица нападает на льва, под которым находится меньшее по размеру животное, схожее с ним во всем, кроме кудлатой гривы, вместо которой наметена параллельными бороздами короткая шерсть челки и на шее, да формы ушей, более крупных, чем у льва, оттопыренных в стороны. В маленьком звере с короткой, но уже наметившейся гривой можно видеть львенка.

В соответствии с сюжетом, фигуры львов изображены в угнетенных позах, припавшими